

Некрасов Николай Алексеевич

Три страны света

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Алексеевич Н.**
Три страны света / Некрасов Николай Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
876 с.

ISBN 978-5-519-98901-5

ISBN 978-5-519-98901-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Фигура ея была такъ обширна, что нужно было дарить ей на два платья, чтобъ вышло одно. Прихотямъ Вѣры Антоновны не было конца. Въ домѣ, гдѣ случалось ей принимать, она вмѣшивалась рѣшительно во все: «Зачѣмъ люди долго спятъ? зачѣмъ поваръ дурной квасъ сдѣлалъ? зачѣмъ мало работаютъ въ дѣвичьей? У исправника-то люди съ пѣтухами встаютъ, а у васъ, Агафья Артемьевна, вмѣстѣ съ барами: право, такихъ людей даже и у городничихи нѣтъ, а что ужъ она за барышня»....

Вѣра Антоновна заботилась очень о своемъ здоровьи; несмотря на страшную полноту, она считала себя худенькой, и если ей говорили: «А вы, кажется, поправились, Вѣра Антоновна», — она крестилась и плевала, боясь глазу. — Что это вы, какъ можно! возражала она: — да мнѣ платья стали широки!

Апетитъ у ней превышалъ всякое вѣроятіе. Ъла она почти каждую минуту и все находила, что отошала; послѣ ужина, на сонъ грядущій, съѣдала ежедневно десятокъ яицъ, сваренныхъ въ крутую. Она ихъ очень любила, но спала отъ нихъ непокойно и со страху поднимала на ноги среди ночи весь домъ. Ей все чудились воры, готовые ограбить ее; а надобно знать, что она всѣ свои деньги, золотыя вещи и ломбардные билеты возила съ собою въ тайномъ подвязномъ карманѣ, котораго не снимала даже и на ночь. Къ довершенію всего, Вѣра Антоновна не разлучалась ни на минуту съ двумя собаченками, гадкими и паршивыми, которыхъ звала очень прозаически: Сашка и Дунька. Имя послѣдней, какъ поговаривали въ городѣ, было дано въ пику Авдотѣй Петровнѣ.

Мало-по-малу вся аристократія уѣзднаго города оставила Авдотью Петровну; она призывалась только въ неожиданныхъ и роковыхъ случаяхъ. И тогда разносился слухъ по городу: «Слышали вы, какое несчастье случилось? за Авдотьей Петровной должны были послать! Но, слава Богу, Вѣра Антоновна на другой же день пріѣхала!»

Если Авдотѣй Петровнѣ и случалось до конца пребыть у какой-нибудь важной дамы, то крестинтъ не справляли и давали нелюбимой бабушкѣ самую ничтожную плату.

Вотъ почему домъ Авдотьи Петровны видимо разрушался: не было средствъ поправить его. Внутренность дома соотвѣтствовала наружности: низенькія, небольшія комнаты, съ покосившимися

потолками и полами, блѣдно меблированные, производили болѣзненное и грустное впечатлѣніе.

Ставни стараго домика были закрыты. Въ комнатѣ, мрачно освѣщенной, лежала женщина довольно красивая, но страшно худая и блѣдная. Авдотья Петровна, въ углу, мыла новорожденного, поминутно оглядываясь на больную. Проворно вымывъ ребенка и запеленавъ его, она подошла къ кровати и тихо сказала :

— Поздравляю васъ съ сыномъ.

Мать открыла глаза и съ испугомъ оглядѣла комнату. Увидавъ Авдотью Петровну съ ребенкомъ, она болѣзненно вскрикнула, дрожащими руками схватила дитя и пристально взглянула ему въ личико, потомъ распеленала его и радостно прошептала :

— Боже! ты услышалъ мою молитву!

И она начала осыпать своего сына поцалуями.

— Тише, осторожьѣ! вамъ вредно волненіе, говорила Авдотья Петровна, любуясь радостью матери.

— О, дайте мнѣ на него насмотрѣться!... Онъ не похожъ на своего отца!...

И мать снова цаловала сына.

— Успокойтесь! вы еще очень слабы; будетъ время налюбоваться! говорила разстроганная Авдотья Петровна.

Но мать сильно вздрогнула и дико закричала, прижимая сына къ своей груди:

— Нѣтъ! онъ его не увидитъ! Пусть онъ лучше никогда не знаетъ своего отца и своей матери!

— Чтó вы? какъ можно!

И Авдотья Петровна невольно схватила ребенка изъ слабыхъ рукъ матери.

— Куда вы хотите его нести? воскликнула мать. — О, ради Бога, спрячьте его?

Она вскочила съ постели, упала на колѣни передъ Авдотьей Петровной и раздирающимъ голосомъ повторила :

— Спрячьте его, спасите его!... *онъ злодѣй, онъ убьетъ ребенка.* Я готова умереть, только бы онъ не зналъ и не видалъ его. Спасите, спасите!...

Несчастная женщина съ страшными криками упала на полъ, и стопы наполнили комнату. Потомъ она вдругъ смолкла и, лежа на полу съ закрытыми глазами, тяжело дышала и вздрагивала. Авдотья Петровна плакала. Поцаловавъ ребенка, она бережно положила его на кровать, стала на колѣни возлѣ матери и начала успокаивать ее:

— Хорошо, я все сдѣлаю, я знаю его, онъ способенъ на все; но не убивайте себя, опомнитесь!

Тихо приподнялась мать, схватила руку Авдотьи Петровны и съ жаромъ поцаловала ее.

— Ахъ, что вы? какъ можно!

И Авдотья Петровна покраснѣла: слезы потекли у ней по лицу.

Мать сказала:

— Вы добры! вы знаете мое положеніе.... Сжальтесь надъ бѣднымъ ребенкомъ, сжальтесь надо мной.... Видитъ Богъ, я чиста, но его подозрѣнія....

— Что же мнѣ дѣлать? чего хотите вы? спросила Авдотья Петровна.

— Чего я хочу? дико спросила мать. — Чтобы онъ не зналъ своего сына, котораго онъ будетъ также мучить, какъ мучилъ его мать. Чудовище злое и подозрительное, онъ.... О, вы его не знаете!

— Говорятъ, онъ просто злодѣй, невольно сказала Авдотья Петровна.

— А, вы теперь сами говорите, что онъ злодѣй? воскликнула радостно мать. — Какъ же можно ему показать сына, когда еще до рожденія несчастному ребенку готовились угрозы и страданія? Нѣтъ, нѣтъ! Вы поможете мнѣ скрыть моего сына? Вы сжалитесь надъ умирающей женщиной, которая васъ будетъ благословлять, какъ спасительницу ея ребенка!

— Если бы можно было, я рада бы помочь вамъ.

— О, время и возможность есть, только захотите. Я скрывала время своей беременности, и вы можете сказать, что я выкинула.

— Что же дѣлать съ ребенкомъ? куда его дѣвать?

— Да, вы правы, онъ всюду отыщетъ его, онъ украдетъ его у меня, и скажетъ, что я виновата!

— У насъ здѣсь въ городѣ почти никого нѣтъ, кому бы подкинуть: житье ему будетъ плохое.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Боже! благодарю тебя!... воскликнула вдругъ больная и, скрестивъ руки, стала на колѣни и усердно молилась. Окончивъ молитву, она твердымъ голосомъ сказала :

— Дайте скорѣе бумаги и перо.

Все было подано; дрожа всѣмъ тѣломъ, Авдотья Петровна подвела больную къ столу. Окончивъ письмо, больная подала его Авдотѣ Петровнѣ.

— Прочтите, такъ ли я написала? голова моя горитъ; я не могу ничего обдумать, я худо вижу....

— Хорошо, сказала Авдотья Петровна: — да къ кому же?

— Вотъ и адресъ къ будущему отцу моего сына, перебила больная.

Авдотья Петровна, прочитавъ адресъ, радостно вскрикнула:

— О, вашъ ребенокъ будетъ счастливъ! Вы поручаете его судьбу самому доброму, благородному — и богатому человѣку, какого только я знаю....

— Не правда ли? я могу умереть спокойно.... Да, я умру, тихо прибавила больная, приложивъ руку къ своей головѣ: — посмотрите, какъ она горитъ; я вся горю.... мнѣ душно!

Больная начала метаться.

— Лягте, ради Бога, лягте!

— Зачѣмъ мнѣ беречь себя? чтобъ снова терпѣть горе и униженіе? Зачѣмъ я буду жить, когда я бросаю своего ребенка? Нѣтъ, я мать, я не брошу его, не отдамъ.... я не могу его отдать.... Пусть онъ страдаетъ вмѣстѣ съ своей матерью и пусть въ страданіяхъ узнаетъ своего отца.... Господи! за что я такъ несчастна?

И больная зарыдала.

— Полноте, не огорчайтесь! Вы можете расхвораться и надѣлаете мнѣ хлопотъ, сказала Авдотья Петровна, стараясь скрыть свои слезы.

— Простите, я виновата; но войдите въ мое положеніе: я мать; понимаете ли вы, что значитъ быть матерью?

— Даже очень хорошо понимаю, съ живостью отвѣчала Авдотья Петровна: — и знаю, что ничего не можетъ быть ужаснѣе разлуки съ своимъ ребенкомъ.

— А! вы тоже испытали такое несчастіе? спросила больная, и въ голосѣ ея звучало удовольствіе, будто радовалась она, что есть и еще женщины, разлученныя съ дѣтьми.

— Кто же можетъ сказать, что онъ не страдалъ? отвѣчала Авдотья Петровна, покачавъ головой.

— А онъ? онъ никогда не страдалъ! иначе могъ ли бы онъ такъ хладнокровно мучить другихъ? Голосъ страданія достигъ бы его ушей; но онъ не знаетъ, онъ не понимаетъ его!

У Авдотьи Петровны не достало философій, чтобъ продолжать такой разговоръ, и она спросила:

— А вы думаете теперь вашего сына отвезти?

Больная вскочила и кинулась къ ребенку. Взявъ его на руки, она дико закричала:

— Такъ рано? нѣтъ, я не отдамъ его, не отдамъ!

И она начала съ жаромъ цаловать ребенка.

— Хуже будетъ, если услышатъ плачъ; онъ можетъ прѣхать за вами, ему донесутъ. Дайте мнѣ его!

— Боже, Боже! простонала мать, и, прильнувъ къ сыну горячимъ лицомъ, обливала его слезами.

Авдотья Петровна взяла небольшую корзину; положивъ туда подушку и толстый шерстяной платокъ, она сдѣлала люльку и робко сказала:

— Пора, благословите своего сына!

Мать крѣпко прижала ребенка къ груди и отвѣчала жалобнымъ голосомъ:

— Подождите! дайте мнѣ на него посмотрѣть, дайте нацаловаться! Кто тебѣ замѣнитъ мать? продолжала она, обращаясь къ ребенку: — о, ты простишь ее? она несчастна, она умирать!

И мать положила своего сына на кровать и тихо опустилась передъ нимъ на колѣни, будто прося у него прощенія.

— Можетъ быть ты будешь счастливѣе въ чужихъ рукахъ, говорила она: — я чувствую, что скоро умру, такъ не знай лучше никогда ни отца, ни матери! Пусть вѣчно охраняетъ тебя мое благословеніе (она перекрестила ребенка). Пускай достанутся тебѣ всѣ радости, которыхъ не знала твоя мать!

Голосъ ея все болѣе слабѣлъ, утомленная ея голова упала на кровать. Авдотья Петровна тихо рыдала въ углу. Услышавъ

ея рыданіе , больная приподняла свою отяжелѣвшую голову, блѣдными губами прильнула къ теплomu личику своего сына и потрясающимъ голосомъ сказала :

— Возьмите ! возьмите его скорѣе, или я его не отдамъ !

И снова голова ея упала на кровать.

Авдотья Петровна положила ребенка въ корзину и, перекрестясь, пошла къ двери.

Больная приподнялась; она дико слѣдила за движеніями Авдотьи Петровны , пока та укладывала ребенка, и когда она пошла къ двери, бѣдная мать стремительно кинулась къ ней.

— А, ты украла моего ребенка?... помогите, помогите !

И несчастная съ безумными криками вырывала корзину.

— Чтѣ вы ? Богъ съ вами ! не кричите: на улицѣ услышатъ ! дрожащимъ голосомъ говорила Авдотья Петровна.

Но больная ничего не хотѣла слышать ; глаза ея блестѣли страшнымъ огнемъ. Она дико смотрѣла на Авдотью Петровну и повторяла отчаянно :

— Отдайте моего ребенка, отдайте !

— Возьмите ! вы, кажется, забыли, каковъ его отецъ ? съ упрекомъ сказала Авдотья Петровна.

Мать вскрикнула. Отскочивъ отъ корзины, которую ей предлагала Авдотья Петровна , она прошептала испуганнымъ голосомъ :

— Спрячьте , спрячьте его. Слышите , онъ идетъ ! онъ его возьметъ ! Я погибла ! о, спасите же, спрячьте меня !

И несчастная бѣгала по комнатѣ и пряталась.

Авдотья Петровна скользнула въ дверь и заперла ее на замокъ.

Мать съ дикимъ крикомъ кинулась къ двери , она ломала ее и кричала :

— Отворите ! моего ребенка украли ! спасите !

Стукъ удалявшихся дрожекъ остановилъ вопли почти обезумѣвшей женщины ; она вся затряслась , и когда стукъ дрожекъ замеръ , отчаянно вскрикнула : уѣхалъ ! и упала безъ чувствъ у дверей

.
.

Въ одномъ большомъ селѣ, широко раскинувшись, на невысокомъ холмѣ, стоялъ огромный барской домъ съ дремучимъ садомъ. Длинныя службы въ нѣсколько рядовъ, какъ крѣпостныя стѣны, тянулись за домомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ, вечеромъ часовъ въ девять, луна бросала печальный свѣтъ на темный садъ и черную массу дома, на стѣнѣ котораго фантастически рисовались громадныя деревья. Обильная роса покрывала влажную траву; блескъ луны, отражаясь всюду, игралъ на листьяхъ деревьевъ, которыя таинственно перешоптывались въ пустынномъ саду, — и мѣнялъ рисунки на стѣнѣ какъ кабалистическіе знаки въ какомъ-нибудь волшебномъ замкѣ. Медленно, лѣниво катилась луна, окруженная легкимъ паромъ, по прозрачному далекому небу.

Прямо свѣтила она въ мрачныя запотѣвшія окна, осеребряя ихъ и еще рѣзче выказывая массивную и старинную архитектуру дома. Отдаленный лай собакъ изрѣдка нарушалъ тишину, эхо звонко раздавалось и медленно замирало въ чистомъ воздухѣ.

За кустами сирени и жимолости едва видѣлся слабый свѣтъ, выходившій изъ окна небольшой комнаты, убранной очень просто; по мебелировкѣ, нельзя было опредѣлить ея назначенія.

На широкомъ диванѣ лежалъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, крѣпко сложенный, съ благороднымъ и привлекательнымъ лицомъ; но въ его взглядѣ, во всѣхъ его движеніяхъ выражалась безконечная апатія. Въ рукахъ держалъ онъ книгу, которая, казалось, тяготила его. Выкуренная трубка съ огромнымъ янтареиъ была у него въ зубахъ. На столѣ возлѣ дивана лежало нѣсколько книгъ и стоялъ низенькой подсвѣчникъ съ зеленымъ колпакомъ, бросавшій яркій свѣтъ на нѣжныя руки и чистое бѣлье полусоннаго мужчины, но оставлявшій въ тѣни его лицо. На полу возлѣ дивана спала лягавая большая собака. Вѣроятно тревожили ее непріятныя сны: она повременамъ визжала и вздрагивала; тогда мужчина, лежавшій на диванѣ, кричалъ: Фингалъ! собака приподнимала голову и сонно-красными глазами смотрѣла на своего господина, готовая привѣтствовать его ласковымъ виляньемъ хвоста. Но, не получая ни ласки, ни приказанія, неудостоеенная даже его взгляда, она опускала голову и хвостъ, тяжело вздыхала и снова своимъ храпомъ нарушала тишину.

Нѣсколько ружей торчало въ разныхъ углахъ комнаты, посреди которой стоялъ токарный станокъ, окруженный опилками, свидѣтельствовавшими о недавней работѣ. Микроскопъ разобранный лежалъ на столѣ у окна. Все доказывало, что обладатель этой комнаты старался развлекать себя. Но, какъ бы утомился или соблазненный сладкимъ сномъ своего Фипгала, онъ уже не перевертывалъ листовъ; рука крѣпко еще держала книгу, но скатилась, трубка оставалась около губъ. Ровное и мѣрное дыханіе вылетало изъ его широкой груди; тихо колебалась на груди тонкая, слегка накрахмаленная, рубашка.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Дверь тихонько раскрылась, и мальчикъ лѣтъ четырнадцати проворно, но тихо вошелъ въ комнату, съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ съ чаемъ.

Подойдя къ дивану, онъ въ недоумѣніи остановился, глядя на спящаго барина. Собака при первомъ шорохѣ открыла глаза, но тотчасъ снова спокойно закрыла ихъ. Убѣдись, что баринъ не можетъ замѣтить его присутствія, мальчикъ сказалъ: — чай готовъ-съ!... Мѣрное и ровное дыханіе не прерывалось. Съ отчаяніемъ глядѣлъ мальчикъ то на спящаго барина, то на стаканъ. Мимо его носу вдругъ порхнула бабочка и стала кружиться около огня. Мальчикъ лукаво слѣдилъ за ея полетомъ и радостно улыбнулся, когда она, коснувшись свѣчи, вдругъ сѣла на столъ, тоскливо забила крылышками, прильнула къ столу головкой и въ изнеможеніи упала, — потомъ, будто очнувшись, отчаянно забилась, осыпая столъ бѣловатой пылью.

Мальчикъ съ наслажденіемъ упивался мученіями бабочки и каждый разъ, какъ она переставала биться, трогалъ ее пальцомъ, и бабочка снова кружилась и вертѣлась страшно. Тихо скатившаяся изъ ослабѣвшей руки барина книга прекратила мученія бабочки и потѣху мальчика; онъ повторилъ: чай готовъ-съ; отвѣта не было. Мальчикъ вышелъ, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ новымъ стаканомъ чаю, изъ котораго валилъ паръ. Также исторія повторилась; мальчикъ уже начиналъ приходить въ отчаяніе, когда вдругъ скрипнула дверь: высунулось женское лицо въ чепчикѣ съ длинной фальбалой и жалобно прошептало: Петрушка!... Мальчикъ повернулся къ двери и отрицательно моталъ головой. Выставилась рука и мамила его къ себѣ.

— Что вамъ? спросилъ онъ.

— Поди сюда! скорѣе! задыхаясь шептала женщина.

Мальчикъ показавъ головой на барина и на поднось и прибавилъ:

— Видите, не могу!

— Петрушка! чтожь ты? я тебѣ говорю, скорѣе! сердито воскликнула жепщина, забывъ всякую осторожность, и вошла въ комнату.

Ей было лѣтъ подъ шестьдесятъ, но она еще была бодра; пріятное лицо ея выражало сильную тревогу. Огромная связка ключей, висѣвшая на чистомъ, бѣломъ передникѣ, обозначала ея должность.

Мальчикъ, недовольный появленіемъ ключницы, сказалъ:— что это вы? не видите, баринъ спитъ!

— Вижу, дуракъ! ты что не идешь, когда зовутъ? шопотомъ возразила ключница.

— Какъ же я брошу чай?

— Когда велятъ, мужикъ ты, такъ иди!

Она съ досадой выхватила у него поднось. Ложечка со звономъ упала на полъ. Собака заворчала и открыла глаза — въ одно время съ бариномъ.

Баринъ потянулся, осмотрѣлъ комнату и остановилъ глаза на ключницѣ, которал, остолебенѣвъ отъ испугу, стояла неподвижно съ искаженнымъ лицомъ.

Мальчикъ улыбался также радостно, какъ нѣсколько минутъ назадъ, когда бабочка обожгла крылья.

— Что вамъ нужно? спросилъ баринъ съ пзумленіемъ, которое ясно доказывало рѣдкое появленіе ключницы въ его комнатѣ.

Въ отвѣтъ, задыхаясь отъ волненія, ключница произнесла:— ахъ, сударь! и лицо ея приняло такое отчаянное выраженіе, что встревоженный баринъ всталъ и быстро спросилъ:

— Что такое, не пожаръ ли? не ушибся ли кто?

— Ахъ, какое несчастье!

— Да что такое случилось? съ сердцемъ спросилъ баринъ.

— Извольте встать и вытти въ сѣни. — Ахъ, Боже ты мой, Боже ты мой!

— Какъ вы надоѣли съ вашими восклицаніями!

И баринъ скорыми шагами пошелъ къ двери; собака послѣдовала за нимъ, потягиваясь и зѣвая, мальчикъ и ключница за-ключили шествіе.

— Послѣти! сюда пожалуйста! говорила болѣзненнымъ го-лосомъ ключница.

Мальчикъ взялъ свѣчу и пошелъ вперёдъ.

Въ темныхъ сѣняхъ, въ углу, стояла хорошо закутанная корзина и тихій плачь раздавался изъ нея.

— Что это? спросилъ баринъ.

— Ахъ, кажись, ребенокъ! Боже, какой грѣхъ! какой грѣхъ!

— Какъ попалъ онъ сюда?

— Вотъ изволите видѣть: я разливаю чай и слышу какой-то странный пискъ, думаю: вѣрно кошка забралась и мяукаетъ. Отпустивъ чаю вашей милости, я и думаю, дай пойду выгоню кошку; вышла въ сѣни да и говорю: брысь, проклятая! не идетъ; я отворила дверь — глядь: корзина; думаю: на что тутъ корзину поставили?

— Сейчасъ, что ли, вы слышали плачь?

— Только вотъ чай вашей милости отпустила, да и думаю: — выгоню проклятую кошку, анъ глядь — корзина! я и ду-маю: вѣрно съ угольями кто занесъ!

— А не видали ли вы въ окно кого-нибудь?... Вѣдь вы си-дѣли у окна? спросилъ баринъ.

— Когда я шла сюда, въ сѣняхъ никого не было. А Богъ ихъ знаетъ, можетъ и видѣла, какъ прошелъ кто, да думала свои....

Между тѣмъ любопытная собака обнюхивала корзину.

— Ту-бо, Фынгаль! закричалъ баринъ на собаку и, обра-таясь къ ключницѣ, приказалъ внести корзину въ комнату.

Незамѣтно и тихо въ двери сѣней и въ окна глядѣла сотня глазъ; бѣготня была страшная на дворѣ. Лакеи одинъ за дру-гимъ появлялись въ комнату. Корзину развязали: въ ней ле-жалъ только-что родившійся ребенокъ, весь красный и смор-щенный.... Онъ вертѣлъ головкой и искалъ губами грудь, жа-лобно пища.

— Ахъ, владыко! какой здоровый ребенокъ! въ восторгѣ вскрикнула ключница, выпувъ его изъ корзины. При этомъ движеніи письмо упало на полъ.

— Что это? письмо? и баринъ указалъ головою на бумагу.